

СТАТЬИ

КРУШЕНИЕ АНГЛО-ТУРЕЦКИХ ЗАХВАТНИЧЕСКИХ ПЛАНОВ В ГРУЗИИ В 1855—1856 ГОДАХ

Е. Е. Бурчуладзе

В 1855 г. в Мингрелию вторглись турецкие войска под начальством Омер-паши. Это нашествие на Грузию было значительным событием Восточной войны 1853—1856 годов.

Попытаемся выяснить истинные цели вторжения захватчиков в Грузию в 1855 г., проследить обстоятельства этой экспедиции и раскрыть причины её провала.

В июне 1855 г. царский наместник Кавказа, он же главнокомандующий Кавказским корпусом, генерал-адъютант Муравьёв обложил Карскую крепость. Спустя некоторое время Ферхад-паша, начальник штаба турецкой экспедиционной армии Омер-паши, высадился с отрядом в Абхазии; за Ферхад-пашой непрерывным потоком следовали многочисленные турецкие войска. В начале сентября 1855 г. в Батум прибыл новый турецкий десант, который также стал сосредоточиваться в Сухум-Кале. В октябре 1855 г. сюда же прибыл главнокомандующий экспедиционным корпусом Омер-паша, и вскоре его войска двинулись к границам Мингрелии.

Вопрос о выборе пункта для удара по русским войскам в Закавказье давно занимал союзное командование. Этот вопрос неоднократно рассматривался английским, французским и турецким правительствами. Нашёл он отражение и на страницах правительственной печати. Так, в константинопольской газете «*Echo de l'Orient*» в номере от 24 мая 1855 г. была помещена статья «Что нужно сделать в Анатолии?». «Многие занимаются тем,— читаем в статье,— что происходит в Крыму, и на это имеются веские основания: там находится узел Восточного вопроса, и союзники стараются его разрубить... Но есть другая страна, которая не лишена значения: речь идет об армянском плоскогорьи». Автор статьи признаётся, что кампания 1854 г. «принесла оттоманской армии тяжелые испытания», но текущий 1855 год обещает быть ещё более грозным, так как «предприимчивый генерал Муравьев намеревается от системы обороны перейти к тактике настоящего наступления. А, между тем, оттоманская армия теперь находится в более невыгодных условиях, чем в минувшем году. Где же выход из положения?» — спрашивает автор статьи и заключает: «Есть только один выход, сконцентрировать весь армейский батумский корпус в Мингрелии, подкрепить его регулярными войсками, особенно кавалерийскими полками, привлечь в него черкесских добровольцев и... создать угрозу Тифлису».

По убеждению автора, «русские, очутившись под сильной угрозой с этой стороны, обязательно решат полностью видоизменить свой план кампании и отказаться в Верхней Армении от наступления, чтобы перейти к обороне. Более того: достаточно развить силы по линии Мингрелии, оттоманская армия сможет отказаться от линии в Карс, направиться к Араксу и захватить Ючкилисе и Эривань, что позволило бы легко открыть дорогу в Тифлис и причинило бы русским крупные затруднения. Итак, в чём же гвоздь вопроса? Переменить базу операций», — советует, видимо, компетентный в военных делах автор: «Нужно

перенести ее из Эрзерума и Карса... в Мингрелию»¹. Всё это писалось ещё задолго до начала экспедиции Омер-паши.

Как только в июне 1855 г. стало известно об осаде Карса русскими войсками, в Константинополе состоялось экстренное совещание при участии английского представителя лорда Стратфорда Редклиффа, турецкого великого визиря и сераскира. Было решено вызвать скорейшую помощь карсскому гарнизону². Переполох в неприятельском лагере, произведённый известием об угрозе, нависшей над Карсской крепостью, был вполне понятен. Ещё задолго до этого Фуад-паша писал лорду Кларендону, что крепость Карс «есть ключ к нашим азиатским границам. Попадись эта крепость в руки русских, — да сохранит нас от этого аллах! — это прежде всего грозило бы Эрзеруму, а потом всей Анатолии. В этом нельзя сомневаться»³.

Однако реализация константинопольского решения задержалась на целых четыре месяца вследствие разногласий между союзниками.

По выработанному на ионийском совещании в Константинополе плану предполагалось высадить в Редут-Кале 10 тыс. солдат, присоединить к ним двенадцатитысячный гарнизон Батума и немедленно начать наступление на Кутаис. В то же время транспортные суда должны были перевести в Редут-Кале ещё 18—20 тыс. турок. Общее начальство над десантным корпусом предполагалось вручить английскому генералу Вивиану.

Лорд Редклифф был приглашён на совещание во дворец великого визиря на Босфоре. Турецкие министры предложили вырвать Карс при помощи экспедиции из Редут-Кале через Кутаис в Грузию в составе 20-тысячного войска генерала Вивиана, 3 тыс. человек из отряда Битсона, 12 тыс. из батумского гарнизона, 2 тыс. албанцев, пятитысячного турецкого отряда из Болгарии, 800 человек регулярной египетской кавалерии, 600 человек тунисской кавалерии — в общем составе 43 400 человек.

Порта выразила готовность доверить руководство этой экспедицией английскому командующему и в качестве такового признать генерала Вивиана.

12 июля лорд Стратфорд Редклифф телеграфировал лорду Кларендону: «Приготовления к возможной экспедиции в полном ходу. Можно было бы сэкономить много драгоценного времени, если бы я немедленно получил по телеграфу сообщение, питает ли правительство склонность санкционировать энергичную диверсию через Редут-Кале и Кутаис в Грузию»⁴.

Но английское правительство рассматривало Турцию как простую пешку в своей игре и мало считалось с ней. В отправленной на второй же день, 13 июля, ответной телеграмме в Константинополь на имя лорда Стратфорда Редклиффа лорд Кларендон от имени правительства весьма скептически отзывался о задуманной диверсии. Не желая ослаблять коалиционную армию в Крыму, английское правительство не соглашалось включить в состав десантного корпуса так называемый турецкий контингент (в составе 20 тыс. штыков), находившийся в распоряжении английского командования. Поэтому Кларендон предлагал направить помощь Карсу не от Редут-Кале к Кутаису, а от Трапезунда через Эрзерум. Французское правительство также отрицательно отнеслось к замыслу Порты.

Тем временем турецкое правительство успело передать свой проект на рассмотрение Омер-паши, командовавшего турецкими войсками в Крыму. Крайне недовольный своим второстепенным положением среди союзных главнокомандующих, Омер-паша с радостью ухватился за предложенный план, рассчитывая проявить здесь собственную инициативу.

¹ Journal de Constantinople «Echo de l'Orient» от 24 мая 1855 года.

² Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИАГ), ф. 1087, д. 443, л. 42.

³ «Военный сборник». 1861 г., № 3, стр. 50.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 552.

Генерал Муравьев писал князю Бебутову: «Омер-паша в придунайской войне показал мало деятельности. Полагаю, что он рад бы отделаться от Крыма и ограничиться в сем году усилением береговых укреплений»⁵.

Омер-паша удалось убедить султана и англичан в необходимости оказать помощь Карсу через Кутаис и Грузию. Омер-паше нельзя было надеяться на успех при встрече с войсками генерала Муравьева. Действительно, «совокупность всех сил наших, действовавших на Анатолийском театре в начале сентября, — писал очевидец, — составляла 44 батальона, 28 эскадронов драгун, 30 сотен казаков, 23 сотни конной милиции, при 100 орудиях. Все эти части были в отличном виде и совершенно свежие, не потерпев никаких потерь ни в боях, ни от болезней, чтобы действовать с надеждой на успех»⁶. Напротив, высадив десант в Мингрелии и быстрым движением овладев Кутаисом, а вслед за ним и Сурамом, Омер-паша предполагал почти беспрепятственно достичь Тифлиса или, смотря по обстоятельствам, через Ахалцых — Карса⁷.

Чтобы удовлетворить претензии английского командования в Крыму, Омер-паша предложил взамен так называемого турецкого контингента, включённого в экспедиционную армию, передать в распоряжение англичан новый равноценный контингент турецких войск. Переговоры сторон тянулись довольно долго; наконец 23 июля Порта получила согласие Англии и Франции. Главкомандующим десантным корпусом был утверждён вместо английского генерала Вивиана Омер-паша.

Но союзное командование продолжало возражать против того, чтобы Омер-паша взял из Крыма лучшие турецкие войска, расположенные в Балаклаве и Керчи. Ему были предложены худшие войска из Евпатории. Переговоры закончились новым договором 17 августа. В состав десантного корпуса были включены 15 тыс. турецких войск из Болгарии, 10 тыс. из Балаклавы, 12 тыс. из Батума. К этим контингентам должны были быть присоединены более 5 тыс. кавалерии и несколько полков иррегулярной конницы⁸. Но десантные войска перебрасывались крайне медленно.

Поэтому сам Омер-паша высадился в Батуме с 8 тыс. войск ещё 2 сентября, а последние эшелоны его корпуса были отправлены с Крымского полуострова лишь в начале октября 1855 года. Ещё из Батума Омер-паша известил генерала Вилльямса о том, что через двадцать дней надеется прийти на помощь гарнизону Карса.

Положение русского командования осложнилось известием о падении героического Севастополя.

Русское командование правильно оценило смысл авантюры турецкого «сардара-экремы». «Омер-паша приступил к разработке дорог между Кедой и Хулой, — писал генерал Муравьев 15 сентября 1855 г. кн. Бебутову, — но как он совершит работу сию в крае, где господствует совершенное безначалие? С пехотою он пройдет, но тяжести не может перевозить иначе, как на вьюках. Часть войск его даже уже выдвинулась было за Кеду, но, как слышно, возвратилась в Батум, а дорогу продолжают разрабатывать жители...

Странная высадка Омер-паши в одно время в трех местах — в Тренибонде, Батуме и Редут-Кале — свидетельствует более о намерении его устрашить нас недоумением об его действиях и отвлечь меня от Карса»⁹.

Наилучшим выходом генерал Муравьев счёл штурм и взятие Карса. Этим он предполагал разрешить две задачи: во-первых, отомстить врагам за взятие Севастополя и хотя бы частично сгладить тяжкое впечат-

⁵ Акты Кавказской археографической комиссии (в дальнейшем АКАК). Т. XI, стр. 124.

⁶ Там же, стр. 239.

⁷ См. «Кавказский сборник». 1880. Т. V, стр. 268—270.

⁸ ЦГИАГ. ф. 1087, д. 443, л. 44.

⁹ АКАК. Т. XI, стр. 124.

ление, произведённое этим успехом союзников в Крыму; во-вторых, двинуть затем свой корпус навстречу армии Омер-паши¹⁰.

Однако штурм Карса 17 сентября закончился неудачей и стоил жизни многим тысячам отважных русских бойцов и командиров. В этот критический момент, когда неприятельские силы надвигались и с моря и с суши, в рискованном положении оказался также гурийский отряд под командованием князя Багратион-Мухранского¹¹.

18 сентября, на другой же день после штурма Карсской крепости, генерал Муравьёв предписал начальнику гурийского отряда «впредь заботиться только о безопасности вверенного ему края»¹². Но гурийский отряд был весьма малочислен и слаб. Подкреплений ему ожидать было неоткуда, потому что блокада Карса была восстановлена и почти все войска сосредоточивались в Александрополе. Между тем турецкая экспедиционная армия стояла у самого порога Гурии и Мингрелии.

Проблема выручки Карса отходила на задний план. Омер-паша остановил свой выбор на Сухумском рейде. Выбирая берег Абхазии для десанта, турецкий сардар, по всей вероятности, руководствовался больше политическими соображениями и расчётами, нежели военно-стратегическими; он рассчитывал развернуть действия вдоль берега Чёрного моря, связаться с находившимся на службе у англо-турецких агрессоров Шамилем, а также с Магомед-Эмином и поднять против русских местных жителей — абхазцев, мингрельцев, гурийцев и имеретинцев. Омер-паша знал, конечно, о враждебном отношении гурийского и мингрельского населения к туркам, но рассчитывал на содействие английских и французских эмиссаров — агентов, аккредитованных при его свите.

Оценивая военное значение высадки войск Омер-паши в Сухуме, начальник штаба гурийского отряда полковник Услар правильно полагал, что Омер-паша мог бы предпринять дальнейший поход в следующих направлениях: или через Сурамский перевал против Тифлиса или через горы в Кабарду и Владикавказский округ. Во всяком случае, такие действия могли бы начаться не ранее конца апреля 1856 г., в то время как взятие Карса генералом Муравьёвым было вопросом ближайших недель¹³. Идея о помощи Карсу наступлением к нему от Сухума через Кутаис, Сурамский перевал и Ахалцых была явно несбыточной. Омер-паша и не спешил к Карсу; он, видимо, предполагал самой демонстрацией наступления в глубь Грузии заставить генерала Муравьёва отступить от Карса. Недаром генерал Вилльямс впоследствии говорил о «предательском» поведении Омер-паши. «Я держался до тех пор, — заявил он после капитуляции Карса, — пока не узнал, что Омер-паша не высадился в Сухум-Кале»¹⁴.

Ареной действий турецкой экспедиционной армии стал так называемый Рионский край, ограниченный с северо-запада рекой Ингур, с запада — Чёрным морем, с юга — Аджаро-Ахалцыхскими горами и с востока — Сурамским, или Карталино-Имеретинским, хребтом. Река Рион, впадая в Чёрное море в 15 верстах к югу от Редут-Кале, вместе со своим правым притоком Цхенис-цхали делила Рионский край на три части: Гурию — к югу от Риона, Мингрелию — к западу от Цхенис-цхали и Имеретию — к востоку от Цхенис-цхали. В соседстве с Рионским краем находились Самурзакани, Абхазия и Сванетия.

Приступая к военным действиям, Омер-паша не мог не учитывать топографических и климатических условий края, равно как и политических настроений местного населения. До осеннего, дождливого сезона

¹⁰ См. «Кавказский сборник». 1876. Т. 1, стр. 329—330.

¹¹ См. АКАК. Т. XI, стр. 230—231.

¹² Там же, стр. 239—240.

¹³ См. «Кавказский сборник». Т. V, стр. 270.

¹⁴ «Военный сборник». 1861. № 3, стр. 43.

оставалось не более полутора месяцев. Наиболее целесообразной для наступательных действий явилась дорога от Озургети и от Редут-Кале (от Редут-Кале до Кутаиса 108 вёрст). Но Омер-паша исходным пунктом движения своих войск избрал Сухум, отстоящий от Кутаиса более чем на 200 вёрст, хотя на этом направлении предстояло совершить две сложные переправы, через реки Кодори и Ингури, и двигаться по негодным, разрушенным абхазским дорогам.

Во второй половине сентября 1855 г. экспедиционные войска Омер-паши начали сосредоточиваться в Сухуме. Усиливались также турецкие гарнизоны на прибрежных пунктах Черноморья. В Батуме и Кобулетском санджаке стоял довольно многочисленный отряд под начальством Мустафа-паши. Ему было приказано ограничиться лишь демонстрациями на границах Гурии и не наступать до тех пор, пока корпус Омер-паши, двигаясь из Сухума, не приблизится к Риону до Кодорской переправы. Этот пункт был намечен для присоединения батумско-кобулетского отряда к главному корпусу Омер-паши с целью общего наступления на Кутаис и далее¹⁵.

Расчитывая вызвать антирусское движение в крае, турки стремились склонить на свою сторону наиболее влиятельных людей Мингрелии и Гурии, таких, как командир гурийской милиции князь Малакия Гуриели, убеждённый противник турок. Ренегат Али-бей Кобулетский (Тавдгиридзе) в специальном письме князю Малакию Гуриели от имени турецкого султана обещал ему сан владетеля Гурии¹⁶. Но Гуриели отверг эти предложения.

Ещё до вступления Омер-паши на территорию Грузии стали появляться его воззвания к гурийцам, мингрельцам и имеретинцам. «Уполномоченный всемилостивейшего султана на Кавказе» не жалел красок, чтобы нарисовать грузинам все «земные и небесные благоденствия», которыми они будут располагать при турках. «Находясь под нашим владычеством,— писал он гурийцам,— вы будете торжествовать... Уверю, что жители Гурии никакой подати не будут платить и никем притесняемы не будут. Одним словом, защищаем вас, жен и детей ваших от всяких обид, притеснений, разорений, зажигательств, если покоритесь всемилостивейшему султану»¹⁷.

Появившись в Абхазии в сентябре 1855 г., Омер-паша попытался завязать переговоры с князьями Дмитрием и Григорием Шервашидзе, служившими в русской армии, а также с правительницей Мингрелии княгиней Екатериной Дадияни, но успеха не имел¹⁸.

После водворения в Абхазии Омер-паша вызвал к себе «наместника» Шамиля среди горцев Западного Кавказа Магомед-Эмина и назначил его правителем всех черкесских племён. Самого Шамиля Омер-паша произвёл в чин мушира (маршала) турецкой службы. Как известно, ещё в 1854 г. «Шамиль официально получил от Порты звание генералиссимуса черкесской и грузинской армии»¹⁹. По взятии Тифлиса ему был обещан титул «короля Закавказского».

Шамиль, как и его предшественники, являлся заклятым врагом кавказских народов, в том числе и грузинского народа. В тяжёлые годы Восточной войны он с целью диверсии дважды совершил разбойничьи набеги на Грузию, разорил цветущие сёла Кахетии, истребил множество мирных жителей края. Грузинский народ ненавидел этого кровожадного грабителя и регулярно создавал специальные отряды самообороны, которые оказывали мужественный отпор Шамилю и его бандам.

¹⁵ ЦГИАГ, ф. 1087, д. 448, л. 48

¹⁶ Там же, д. 449, л. 10.

¹⁷ АКАК. Т. XI, стр. 355.

¹⁸ Там же, стр. 111—112 и 150.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 124.

Действия Шамиля были согласованы с действиями турок и англичан.

Характерно письмо Шамиля к Омер-паше, полное лакейского угодничества и бахвальства: «Я выходил к вам с большим войском, но не возможно было наше соединение по причине сражения, бывшего между нами и грузинскими князьями. Мы отбили у них стадо, имущество, жен и детей, покорили их крепости и с большой добычей и торжеством возвратились домой. Радуйтесь и Вы»²⁰.

Но горские народы вопреки Шамилю и Магомед-Эмину отказывались пропускать в горы турецких, англо-французских и других агентов, а если незваные гости и проникали, то местные жители ясно давали им понять, что не намерены сделаться рабами султана. «У абхазцев вновь появились агенты,— читаем в одном документе,— которые стараются склонить не мирных горцев к поданию помощи туркам набором из горцев партии пеших и конных для отправления их в Сухум. Обещают горцам большие награждения. До сих пор, однако, горцы не изъявляют готовность на эти предложения»²¹.

«Эмиссары пробираются к карачаевцам с возмутительными письмами против русских,— читаем в другом донесении,— до сих пор попытки эти не имеют ни малейшего успеха, и посланцы возвращаются обратно с известием, что карачаевцы положительно не намерены принимать никакого участия в общем восстании»²². В своих официальных докладах и донесениях кутаисский военный губернатор давал весьма лестные отзывы имеретинцам, гурийцам и мингрельцам, подчёркивая их храбрость, верность и «непоколебимую готовность до конца бороться с турками»²³. Надежды Омер-паши и его английских хозяев восстановить народы и племена Кавказа и Закавказья против русских не оправдались.

План обороны Мингрелии и Гурии, разработанный князем Багратион-Мухранским ещё летом 1854 г., предусматривал возможность неприятельского наступления с трёх сторон: из Абхазии, из Кобулетского санджака, и от Редут-Кале или вообще от портов Чёрного моря на участке от Шекветили до Анаклии. Оперативные действия гурийского отряда в плане были рассчитаны так, чтобы мешать действиям неприятеля, избегая в то же время решительной встречи с его превосходящими силами («не подвергать себя невыгодам неравного боя»). Кроме того план предусматривал организацию народной войны, для которой, по убеждению Багратион-Мухранского, на местах была вполне благоприятная почва.

Для отпора возможному наступлению неприятеля из Абхазии была сформирована самурзаканская милиция; дороги, ведущие из Абхазии, были приведены в негодность. Учитывая, что одна самурзаканская милиция не в состоянии удержать натиск сильного неприятеля, ей было приказано в случае движения его сил через Ингур отступить в горный Сабериинский участок и оттуда угрожать вражескому тылу²⁴.

Передовая линия Мингрелии была занята местной милицией, а также частями регулярных войск, расположенных в Зугиди, Хетах и у Хопийского монастыря. В случае наступления врага одновременно со стороны Редут-Кале и со стороны Ингура войска должны были сосредоточиться на Хетской позиции. Этот укреплённый пункт должен был разведить неприятельский отряд, двигавшийся с Ингура, и группы, дей-

²⁰ Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып. VII, стр. 47. Тифлис. 1873.

²¹ Центральный Государственный военно-исторический архив (в дальнейшем ЦГВИА), ф. ВУА, д. 6663, л. 65.

²² Там же, лл. 89, 104.

²³ АКАК. Т. XI, стр. 37—39.

²⁴ ЦГИАГ, ф. 939, д. 6, лл. 38—39.

ствовавшие со стороны Редут-Кале, и отрезать его от других пунктов побережья²⁵.

Гурийско-Кобулетская граница и берег моря были укреплены сильной милицией. Предполагалось, что неприятель из Озургети может двигаться в сторону Кутаиса через Ланчхути или через Чехатаури. В этом случае Акетская позиция, лежащая между обеими главными дорогами, приобретала важное значение.

Главкомандующий Кавказским корпусом генерал Муравьёв, считая гыл гурийского отряда обезпеченным и питая доверие к грузинской милиции, отказывал князю Багратион-Мухранскому в посылке подкреплений. К середине октября Муравьёв писал военному министру: «В случае нападения неприятеля от Черного моря, кроме Гурийского отряда и многочисленной милиции Гурии, Мингрелии и Имеретии, имеется еще в виду часть Ахалцыхского отряда; вооруженные жители Карталинии, 2 или 3 батальона, находящиеся в Тифлисе, и те войска, которые князь Бебутов будет в состоянии взять с лезгинской линии»²⁶.

К началу октября, когда намерения Омер-паши стали достаточно ясными, в основном закончилось и боевое сосредоточение сил гурийского отряда. В распоряжении князя Багратион-Мухранского находились для обороны Мингрелии и Гурии всего около 9 тыс. регулярной пехоты, 700 казаков и до 10 тыс. пеших и конной милиции при 28 орудиях²⁷.

В первых числах октября 1855 г. Омер-паша двинул свои войска из Абхазии к границам Мингрелии. Шестнадцать дней тянулся переход на расстоянии 70 вёрст от Сухума до Ингура. Целую треть войск сардар-экремы пришлось оставить позади для обеспечения коммуникационной линии. Наконец, 20 октября главные силы турок подошли к правому берегу Ингури. Багратион-Мухранский хорошо понимал, что 5 тыс. регулярных войск, расположенных вдоль реки Ингури, и такого же числа милиции было слишком недостаточно против 40-тысячной армии Омер-паши. Турецкий сардар при выступлении из Сухума хвастливо заявил, что пройдёт «до самого Кутаиса без выстрела» и что «только между Кутаисом и Тифлисом русские осмелятся, быть может, вступить с ним в бой»²⁸. Положение гурийского отряда было очень тяжёлым. Однако командование решило не отдавать Мингрелию без боя.

Между 20 и 24 октября с обеих сторон производилась усиленная рекогносцировка. Первая попытка неприятеля перейти через реку Ингури была успешно отражена мингрельской милицией. Собрав силы, турки двинулись на Рухскую переправу, и 25 октября 1855 г. разыгрался знаменитый Ингурский бой²⁹. К полудню на Ингури грянул первый пушечный выстрел. Рухская позиция, прикрывавшая самый удобный путь в направлении Зугдиди, была атакована турками. Бой длился целый день. Стоявший там отряд князя Дадияни героически отстаивал свою позицию, не отступая ни на шаг и нанося значительный урон наступающим колоннам. Тогда Омер-паша стал маневрировать. Чтобы замаскировать свой замысел, он установил несколько батарей против рухской позиции и приказал продолжать бомбардировку непрерывными залпами. Сам же во главе основных сил корпуса немедленно двинулся вниз по течению реки к Нарманским переправам. Малочисленные войска и милиция у Санарманио были застигнуты врасплох. Но они были подкреплены спешенными имеретинскими дружинами.

Турки были отбиты, но временный успех стоил многих жертв. В числе погибших был командир отряда при переправе подполковник Званбай.

²⁵ ЦГИАГ, ф. 1087, д. 443, л. 49.

²⁶ АКАК. Т. XI, стр. 411.

²⁷ ЦГИАГ, ф. 1087, д. 443, лл. 49—51.

²⁸ АКАК. Т. XI, стр. 107.

²⁹ Там же, стр. 107—110, 138, 197—199, 215—216; ЦГИАГ, ф. 1087, д. 449, лл. 119—122. Ср. К. Бороzdич. Закавказские воспоминания, стр. 24—30. СПб. 1885.

Командование отрядом принял полковник Иоселиани. Потерпев неудачу в ещё одной атаке, турки предприняли новый обход и нашли другую переправу через Ингури. Но, невзирая на неравенство сил, обороняющиеся продолжали героическое сопротивление.

Полковник Иоселиани, заменивший Званбая, был убит в разгар боя; сменивший его офицер Ивин также скоро был вынесен из боя тяжело раненным штуцерной пулей. Принявший начальство отрядом капитан Кобелев скоро был ранен смертельно. Вслед за Кобелевым был убит и заменивший его поручик Рубцов. Это типичный пример отваги, героизма патриотов нашей Родины и образец подлинной боевой дружбы представителей братских народов на поле брани. Здесь, на рубежах Мингрелии, рядом, рука об руку, дрались против турецких захватчиков русские, грузины — карталинцы, мингрельцы и гурийцы, имеретинцы и абхазцы.

Одновременно с атакой Нарманских переправ турки атаквали, а затем обошли Кокские переправы. Имеретинские дружины отбили первый натиск неприятеля. «Смелая атака этих дружин,— писал генерал Муравьёв об имеретинцах,— остановившая натиск турецкой регулярной пехоты, вызывает похвалу всех свидетелей сего подвига»³⁰. Но удержать натиск значительно превосходящих сил противника было невозможно.

Глубокой ночью 25 октября войска и милиция снялись со всех пунктов Ингури и в полном порядке отступили по намеченным заранее дорогам. В сражении на Ингури потери кавказских войск и милиции превышали 500 человек. Потери со стороны турок были в несколько раз больше³¹. «В деле Ингура,— писал позднее Муравьёв,— могли быть ошибки с нашей стороны, но войска дрались отважно, и главная причина неудач заключалась в значительном превосходстве неприятельских сил»³².

Спустя несколько дней князь Багратион-Мухранский принял решение оставить территорию Мингрелии, а также отвести войска от Акетской позиции, сосредоточив весь отряд на левом берегу Цхенис-цхали, у Марани. Опасность нависла над Имеретией и Гурией; сложилось трудное положение для всей Грузии.

После занятия города Зугдиди Омер-паша стал распространять многочисленные прокламации и обращения, призывая мингрельцев стать в ряды его войск и пытаясь убедить население в том, что турки якобы «пришли для сохранения независимости края, ниспровержения власти русской, их поработившей»³³. Враги всячески старались соблазнить и привлечь на свою сторону грузинских владетельных князей (Даднани, Гуриели, Шервашидзе, Дадешкелиани), влиятельных тавадов, азнауров и даже крестьян. Начальник 6-го округа корпуса жандармов из Тбилиси доносил: «В крае появились воззвания... в коих возбуждается дух выступления, припоминая прежнюю независимость этих народов и воинственный характер их предводителей; наконец, говорится, что теперь самое удобное время сбросить с себя ненавистное иго русского правительства»³⁴.

Широко рекламируя свои «гуманные цели», англичане рука об руку с турками одновременно занимались торговлей ситцами и торговлей «живым и красивым товаром»: гурийскими, мингрельскими, имеретинскими мальчиками и девочками. Вот одно из описаний появления англичан и турок в Гурии в 1854 г.: «Вслед за турецкими солдатами явились английские купцы, которые навезли множество товаров, устроили базары и постарались привлечь к себе население мнимой дешёвизной. В свою очередь, и турки не сидели без дела, занявшись на досуге ловлей красивых

³⁰ Н. Муравьёв. Война за Кавказом. Т. II.

³¹ ЦГИАГ, ф. 1087, д. 449, л. 110.

³² ЦГВИА, д. 33—493, лл. 233—234; АКАК. Т. XI, стр. 215—216.

³³ АКАК. Т. XI, стр. 149.

³⁴ ЦГИАГ, III отд., I эксп., д. 89, лл. 7—8. Ср. АКАК. Т. XI, стр. 189.

девочек и мальчиков, которых целыми партиями сплавляли в Константинополь»³⁵. В этом их полностью поддерживали английские власти, союзное командование. Англичане активно участвовали в продаже пленных; так, 26 октября 1855 г. из Абхазии сообщали, что «на Сухум-Калеский рейд прибыл английский пароход «Кенгуру», который занимается торговлей людьми (невольниками и невольницами). Соучастниками этой торговли людьми, — сообщается далее, — являются английские шкиперы, перевозящие этот живой товар»³⁶. В этой постыдной торговле участвовали и некоторые грузинские феодалы.

Не удивительно ненависть кавказских народов к захватчикам. Омер-паша сам признавал, что, вступив на территорию Мингрелии, он нашёл «часть населения с оружием в руках, а остальная часть бежала, бросив дома и имущество»³⁷.

Омер-паша вновь пытался привлечь на свою сторону правительницу Мингрелии Екатерину Дадиани, которая укрылась в неприступных горах в замке Горди. Вслед за Омер-пашой стали пробовать свои дипломатические способности его европейские советники. Английский разведчик Ф. Лонгворт и представитель Франции полковник граф Мефре изошрялись в изысканных, но лживых обещаниях, чтобы склонить Екатерину Дадиани вернуться в Зугдиди и признать Омер-пашу. «Присланный правительством ея Британского величества в качестве агента в провинции кавказския, — писал ей Лонгворт, — имею честь повергнуть перед вашей светлостью всю мою готовность к наилучшему соглашению между вами и маршалом Омер-пашой, командующим оттоманскими войсками»³⁸. Лонгворту вторил французский агент. «Я понимаю колебание вашей светлости, — писал он, — но это колебание, весьма извинительное женщине, может, продолжаясь, серьезно повредить интересам вашим и ваших детей. Русские разбиты на Дунае, в Крыму, на Ингуре, — наконец, везде, где только могли с ними сойтись; Ваша светлость поймет хорошо, что они не в состоянии удержать свои завоевания на Кавказе»³⁹. Екатерина Дадиани в ответ на происки врагов сама отправилась в действующий отряд лехчумской милиции и приняла активное участие в ряде операций⁴⁰.

Омер-паша провёл несколько дней в Зугдиди, а потом начал продвигаться вперёд, однако очень медленно. Лишь 6 ноября его войска достигли реки Циви. Отсюда авангард корпуса был выдвинут на реку Техура и к Сенаки⁴¹. Около 2 недель Омер потратил на устройство складов и магазинов в Редут-Кале, на приведение в порядок дорог между портом и Циви.

Силы турок возрастали почти ежедневно за счёт прибывающих через Редут-Кале войск. Но дальнейшее наступательное движение в осенних условиях делалось крайне затруднительным. Жители Мингрелии не покорились захватчикам. Презрение и ненависть народа на каждом шагу преследовали Омер-пашу и его обречённые войска. Местное население, даже по свидетельству английского советника Л. Олифанта, состоявшего при Омер-паше, демонстративно проявляло свою вражду к турецкой армии: «Жители деревень выглядели недовольно и гневно, особенно когда люди в фесках появлялись у дверей их хижин (конахи), они отказыва-

³⁵ ЦГИАГ, ф. 1087, л. 1060.

³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 6662, л. 12. Ср. «Русский вестник» за 1864 г., кн. XI, стр. 54; «Journal de St.-Petersbourg» № 304 от 12 января 1854 г.; «Кавказ» № 7 за 1856 год.

³⁷ ЦГИАГ, ф. 1087, л. 449, л. 110; АКАК. Т. XI, стр. 112; К. Бороздин. Указ. соч., стр. 34—36.

³⁸ Цит. по К. Бороздину. Указ. соч., стр. 55—58.

³⁹ Там же, стр. 57—58.

⁴⁰ Там же, стр. 87.

⁴¹ АКАК. Т. XI, стр. 111—112.

лись снабжать их чем-нибудь больше, чем стаканом воды или огнем для трубки»⁴².

Олифант вынужден признать, что местное население в то же время проявляет «добросердечные отношения к русским, оказывая им всяческую поддержку и помощь» в борьбе с турками⁴³. «Жители глубоко убеждены в том,— пишет Олифант,— что нашествие турок является предзнаменованием полной оккупации края, и они громогласно заявляют, что предпочитают русских»⁴⁴. Автор приводит следующий эпизод: «Ночью раздавались выстрелы. На следующее утро я навестил Омер-пашу. Он был удручен. Омер сказал мне, что местные жители активно поддерживают русских. Он с отчаянием говорил о несчастном развитии этой кампании и о том, что судьба окончательно покинула его»⁴⁵.

Омер-паша решил террором запугать народ. По приказу паши начались массовые расстрелы крестьян, обвиняемых в истреблении турецких солдат. Почва под ногами оккупантов колебалась. Воззвание князя Бебутова к имеретинцам, мингрельцам и гурийцам, обнародованное 1 ноября 1855 г., нашло самый горячий отклик среди населения.

По поручению главнокомандующего Муравьёва князь Бебутов выехал в Западную Грузию для лучшей организации народного сопротивления врагу. Багратион-Мухранский предписал Григорию Дадиани сдать временно командование своим отрядам и тайно отправиться в Мингрелию для сплачивания народных сил. Ему же поручалось собрать отборных всадников в Мингрелии и сформировать из них боевые дружины. Дадиани в короткий срок справился с задачей. Мингрельские патриоты с воодушевлением записывались в формируемые Дадиани дружины⁴⁶.

10 ноября 1855 г. турецкий авангард под начальством Ферхад-паши достиг Цхенис-цхали. Сам Омер-паша с главными силами корпуса 20 ноября выступил вперёд и, дойдя до реки Тахур, расположился лагерем на её берегу; главную свою квартиру он перенёс в м. Сенаки⁴⁷.

На гурийской границе положение тоже было напряжённым. Кобулетский отряд турок под начальством Мустафа-паши значительно усилился и достиг 18 тыс. бойцов регулярной пехоты, 3 тыс. сувар при 16 орудиях. Помимо этого на гурийских границах стояли многочисленные башибузуки. Генерал Бруннер со своим небольшим отрядом оставил Акетские позиции и присоединился к главным силам гурийского отряда в Усть-Цхенис-цхали⁴⁸. Защита Гурии была целиком возложена на местную милицию. Гурийцы единодушно поднялись и мужественно отстаивали рубежи своей родины. «Гурия ополчилась почти поголовно,— писал Муравьёв.— Нередко можно было встретить в рядах милиции престарелых родоначальников семейств с их сыновьями и внуками, они «скрывали свои семейства и имущество в безопасных местах и смело ожидали вторжения турок»⁴⁹. Гурийцы с негодованием отвергли призывы Омер-паши перейти в подданство к «всемилодивейшему султану».

Объединённые отряды гурийской и мингрельской милиции, их партизанские группы нередко предпринимали совместные действия против вражеских колонн, устраивали налёты и глубокие рейды в тыл расположения турок. Во время одного из таких налётов отряд, которым ко-

⁴² L. Oliphant. The Trans-Caucasian campaign of the Turkish Army under Omer-pasha, p. 146, 218. London. 1856.

⁴³ Там же, стр. 193.

⁴⁴ Там же, стр. 46.

⁴⁵ Там же, стр. 118.

⁴⁶ ЦГИАГ, ф. 1087, д. 449; АКАК. Т. XI, стр. 110—111, т. XI, стр. 112.

⁴⁷ АКАК. Т. XI, стр. 149.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5963, л. 49.

⁴⁹ ЦГИАГ, ф. 1087, д. 449, л. 112.

мандовал Дадзиани, едва не захватил в плен самого Омер-пашу вместе с его свитой⁵⁰.

25 ноября 1855 г. Омер-паша получил известие о падении Карсской крепости; это решило участь затеянного союзниками вторжения в Грузию. Омер-паша немедленно приказал начать общее отступление.

По словам участника событий К. Бороздина, отступление турецкого корпуса из Мингрелии стало неизбежным. С одной стороны, «цель его похода — отвлечение ген. Муравьева от блокады Карса — не была достигнута, но с другой стороны, — по его же свидетельству, — отступление вызывалось и тем обстоятельством, что в самой стране он не мог, при всем старании, ни установить связи с жителями, ни привлечь власти на свою сторону»⁵¹. Отступление означало не только крах намерений самого Омер-паши, оно означало полный провал захватнических планов, которые вынашивались Турцией и её союзниками в отношении Грузии и грузинского народа.

К. Маркс и Ф. Энгельс, давая глубокую оценку результатов взятия Карса русскими, беспощадно разоблачали бахвальство английской печати. Падением Карса «заканчивается третья удачная кампания русских в Азии: Карс и его округ завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля; последний еще оставшийся боеспособным отряд турецких войск — армия Омера-паши — значительно обессилена численно и морально... И если сопоставить эти успехи и завоевания с тем фактом, что союзники заняли южную часть Севастополя, Керчь, Кинбурн, Евпаторию и несколько фортов в Черкесии, то станет ясно, что достижения союзников далеко не так огромны, чтобы оправдать бахвальство английской печати»⁵².

С капитуляцией Карса и отступлением Омер-паши из Мингрелии военные действия на Закавказском турецком театре приближались к концу. Из-за непрекращающихся дождей, половодья и непролазной грязи кавказские регулярные войска не были в состоянии преодолеть Цхенисцхали и двигаться далее на сближение с врагом. Наступившая зима полностью пресекала возможность наступательных действий, подвоза провианта и боеприпасов. Преследование и разгром отступающих турецких колонн отныне стали задачей народной милиции и местного населения. Это обстоятельство хорошо учитывалось генералом Муравьевым, который в своём отношении военному министру писал: «Действие против неприятеля возможно только силами одной милиции, потому что лесистая и болотистая местность не позволяет провести регулярные войска к прибрежной полосе во фланг неприятелю. Милиция же, по давнему навыку, может пробираться через болота, по едва проходимым тропинкам и враспынную»⁵³.

Корреспондент газеты «Кавказ» выразительно характеризовал местные условия борьбы. «Нет края, более удобного для партизанской войны, как Имеретия и Мингрелия, — писал он. — Непроходимые топи болот, ручьи, которые обращаются в несколько часов в бурные потоки, леса, как бы перевитые вьющимися растениями, затрудняющими проход пешему, не говоря уже о конных, делают эти страны недоступными для незнакомых хорошо с местностью, а при сопротивлении жителей и нападающих летучих отрядов могут легко и без потерь своих обратиться в обширные вражеские могилы... Недостаток продовольствия и фуража

⁵⁰ Там же, л. 224, д. 444, лл. 4—5.

⁵¹ К. Бороздин. Указ. соч., стр. 61.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 591.

⁵³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5866, л. 40. Мнение Г. В. Хачапуридзе («К истории Грузии первой половины XIX века», стр. 497. Тбилиси. 1950), что после взятия Карса против Омер-паши были направлены крупные регулярные войска, является, следовательно, ошибочным.

тоже гибельны для незваных гостей, особливо таких, к которым дышит ненавистью все население»⁵⁴.

Во время преследования отступающих турецких войск вся пограничная и прибрежная полоса была разбита на несколько отдельных боевых участков. За каждым участком были закреплены единоличные начальники: князь Микадзе командовал войсками на территории самой Мингрелии; майору Мачавариани, стоявшему во главе четырёх дружин (Чохатской, Гогоретской, Гуриантской и Нагомарской), была поручена линия от Малтаквы до Шекветили; Шекветили и Чолокская линия находились под начальством князей Малакия Гуриели, Михаила Накашидзе и др.⁵⁵.

Подвижные отряды мингрельской милиции под общим начальством Григория Даднани и Шервашидзе преследовали и уничтожали захватчиков. Уходя, турки разорили Зугдиди и учинили по всей Мингрелии невероятные опустошения⁵⁶.

2 декабря 1855 г. сильная конница мингрельцев под начальством Даднани, проскакав ночью 75 вёрст без отдыха, неожиданно напала на турок в Зугдиди. Турецкая пехота была изрублена. Мингрельский отряд потерял около 100 человек, неприятель почти в 2 раза больше убитыми, более 300 человек ранеными, около 50 турок было захвачено в плен. 11 декабря 1855 г. мингрельские и имеретинские дружины в бою вновь разбили турецких захватчиков⁵⁷.

Спротивление турок ослабевало. Остатки огромной экспедиционной армии к январю 1856 г. очистили большую часть территории Мингрелии. Турки пока продолжали ещё держаться под защитой редут-кальских укреплений и в некоторых других местах, однако передовые отряды мингрельской, гурийской и имеретинской милиции не давали им ни минуты покоя. Из многочисленных боевых эпизодов того времени можно отметить успешные действия объединённой милиции 1 февраля 1856 г. против турецкого лагеря на берегу речки Хоци⁵⁸.

С большим успехом действовала дружина Михаила Накашидзе против неприятельских войск, сосредоточенных в Шекветили. Газета «Кавказ» помещала множество корреспонденций о налётах объединённых сил милиции на вражеские колонны, о полной дезорганизации и деморализации оккупационных войск Омер-паши и пр.

Значительным эпизодом объединённого действия милиции было нападение на турок между Хоргой и Редут-Кале. Мингрельский отряд и гурийские сотни 25 февраля 1856 г. внезапно напали на турецкий отряд, находившийся в Баркасах, истребили его и вернулись обратно с богатыми трофеями⁵⁹.

23 декабря 1855 г. Бебутов писал главнокомандующему: «При поездке моей в Гурию я осмотрел гурийскую милицию в Озургетах... Гурийский народ попрежнему одушевлен воинским духом, радуется падению Карса и горит желанием сразиться с неприятелем. Милицию его я нашел в сильном составе и в хорошем порядке»⁶⁰. Рассчитывая на храбрость и мужество гурийцев, князь Багратион-Мухранский писал: «Теперь неприятель не может к ним ворваться. За эту сторону я не боюсь»⁶¹.

Отступление Омер-паши превратилось в настоящее бедствие для турецких войск. Донесения и доклады, присылаемые из Мингрелии в Тбилиси, сплошь да рядом пестрят следующими сведениями: «Турки отсту-

⁵⁴ «Кавказ» № 31 за 1854 год.

⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5966, лл. 41—43.

⁵⁶ АКАК. Т. XI, стр. 259.

⁵⁷ ЦГИАГ, ф. 1087, д. 449, л. 113; АКАК. Т. XI, стр. 189—190.

⁵⁸ Там же, лл. 114—115.

⁵⁹ «Кавказ» № 19 за 1856 год. К. Бороздин. Указ. соч., стр. 65.

⁶⁰ АКАК. Т. XI, стр. 197.

⁶¹ Там же, стр. 151.

пают беспорядочно, панически. Армия расстроилась и находится в самом жалком состоянии: солдаты изнурены голодом, болезнями, они бо-сы, оборваны...»⁶². Л. Олифант так описывал в своём дневнике отступление Омер-паши: «Это отступление совершается в полном беспорядке, все бегут вразброд к морскому берегу, причем паши оказали такую ревность, какой до того никто в них не подозревал. Беспорядок был страшный, и появления какой-нибудь тысячи казаков было бы достаточно, чтобы это отступление обратилось в полное поражение»⁶³.

Несмотря на большие потери, Омер-паше всё же удалось перезимовать в пределах края. Муравьёв намеревался начать весной 1856 г. генеральное наступление в глубь Малой Азии⁶⁴. Он стал деятельно готовиться к открытию военных действий против Омер-паши ранней весной. Но и английское командование, в свою очередь, разрабатывало для предстоящей кампании (на 1856 г.) развёрнутый план генерального наступления в глубь Закавказья.

Начальник главного штаба британской армии генерал-лейтенант Виндаш после окончания войны позволил себе раскрыть некоторые карты англо-французского командования. По словам Виндаша, кампания 1856 г. должна была открыться в конце апреля. После занятия союзниками Крымского полуострова предполагалось разделить единую англо-французскую союзническую армию на две части и направить англичан в Азию, а французов — в Бессарабию. В Крыму же предполагалось оставить пьемонтцев, турецкие регулярные войска, английский иностранный легион и некоторые части французских войск.

Британское правительство, по утверждению Виндаша, особенно «сильно желало начать военные действия против русской кавказской армии, взять обратно Карс и проникнуть далее». «По требованию военного министра, — сказал Виндаш, — я представил ему свой план войны в Азиатской Турции и Закавказье. По моему расчету, в 1856 г. мы должны были занять Эрзерум и устроить хорошее сообщение туда из Трапезунда. Затем надлежало нам купить (? — Е. Б.) Персию, завести большую флотилию пароходов на Каспийском море... после блокирования Карса главные силы наши пошли бы дальше, — или на Эривань, чтобы войти в связь с персидской армией, или севернее через Ахалкалаки прямо на Тифлис. Часть турецких войск должна была в это время наступать в Мингрелию, и мы надеялись, что Шамиль сделал бы со своей стороны что-нибудь... Полагаю, что кампания 1857 г. окончилась бы занятием всех провинций по южной стороне Кавказского хребта... Мы рассчитывали, что Персия выставит 50 000-ную армию, которая займет Карабах и часть Ширвана и прервет сообщение Тифлиса с Каспийским морем. Шамилю же надо было занять главный путь сообщения через Кавказский хребет. Главная же турецкая армия, в которой можно было считать не менее 100 000, двинулась бы во внутрь края, в котором мы могли надеяться на содействие туземцев».

Предполагалось отторгнуть от России все закавказские провинции, затем расчленив Грузию «наподобие дунайских княжеств» и «под протекторатом Англии и Турции организовать там отдельные княжества: Грузию, Мингрелию, Имеретию, Гурию, Армению. Возвратить Персии и Турции те части территории, которые были присоединены к России Гюлистанским и Адрианопольским трактатами. И, наконец, Каспийское море сделать нейтральным или ограничить число военных судов, которые Россия могла бы на нем держать»⁶⁵.

⁶² ЦГИАГ, ф. 1087, д. 378, л. 38.

⁶³ Л. Oliphant. Указ. соч., стр. 183.

⁶⁴ Ленинградский институт востоковедения АН СССР (ЛИВ). Рукописное отделение, разр. 3, оп. 2, пак. 145 (№ 28), см. письмо Муравьёва к А. П. Ермолову.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5953, лл. 206—209.

Такова была программа английского правительства, программа порабощения народов Кавказа и Закавказья. Известные агенты и шпионы Англии и Франции — Лонгворт, Бейль, Банья, Стейер (французский консул в Батуме), Модюй, Шампоассо и другие — ещё до войны рыскали в Абхазии и по Кавказским горам, в долинах Самурзакана и Мингрелии, в Гурии и окрестностях Кобулетского санджака. Англо-турецкие эмиссары действовали среди дагестанских горцев, давали советы и оказывали помощь своим ставленникам Шамилю и Магомед-Эмину. Англо-турецкий флот, по словам Маркса и Энгельса, не раз вступал в связь с черкесами и с Шамилем, доставляя им предметы вооружения⁶⁶. «Мюридизм ориентировался на Турцию и Англию и ставил своей задачей подчинение движения горцев, возглавляемого Шамилем, захватническим интересам Турции и Англии на Кавказе»⁶⁷.

Корабли союзников непрерывным потоком доставляли в турецкие порты оружие и боеприпасы, людские контингенты и продовольствие для турецкой армии. Начальник гурийского отряда в своём рапорте главнокомандующему в дни кампании сообщал: «Сегодня с 12 час. пополудни на всех передовых постах турецких производились ружейные выстрелы и пушечная пальба на море, против Батума и Чурук-Су, возвещающие салюты по случаю прибытия флота, войск и привоза продовольствия. Лазутчики дали знать, что на 8 судах доставлено войско и продовольствие. Суда эти, как говорят, даны англичанами и французами. Желая удостовериться в справедливости фактов прибытия флота, я отправил адъютанта моего, поручика Ч. Щербакова, на Гуриантскую крепость, который посредством зрительной трубы ясно видел 5 пароходов и 4 корабля. Брульон, им сделанный, о расположении этих судов у Лазистанского побережья Черного моря при сем представляю»⁶⁸.

Иностранные офицеры организовывали, ободряли турецкие войска, охваченные, особенно после поражений, унынием и деморализацией. «По достоверным сведениям, — доносил Муравьёв военному министру, — прибыли в Кобулеты два английских комиссара. Один из них отправился в Аджарию, где приводит в известность всех русских пленных... Другой же остался в Чурук-Су (Кобулеты) для заведывания внутренним управлением Кобулетского санджака. Турецкие чиновники, как утверждают лазутчики, во всем советуются с английским комиссаром и исполняют его советы беспрекословно»⁶⁹.

В период Восточной войны антирусская подрывная деятельность иностранной агентуры в Грузии и на Кавказе особенно усилилась. Враги стремились сорвать боевую дружбу и единство кавказских народов, разъединить и деморализовать их, ослабить их мужественную освободительную борьбу против исконных врагов.

«Англия, казалось, твёрдо решила не идти на переговоры, — писал французский историк А. Дебидур. — ...Англия была готова к новой кампании, полагая, что она должна стать решающей... Ей были необходимы серьёзные результаты, значительные выгоды»⁷⁰. Однако английским захватническим проектам и предположениям в отношении Грузии и Закавказья не суждено было сбыться: героическая борьба русских войск спутала планы захватчиков.

18 марта 1856 г. был подписан мирный трактат в Париже. Разбитые войска опозоренного Омер-паши должны были очистить Мингрелию. «Омер-паша по приезде своем из Константинополя в Трапезунд, — писал Муравьёв военному министру 22 марта 1856 г., — в присутствии многих

⁶⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 39—40.

⁶⁷ «Правда» от 14 мая 1950 года. «В Комитете по Сталинским премиям в области литературы и искусства».

⁶⁸ АКАК. Т. XI, стр. 327; ЦГИАГ, ф. 1087, д. 427, л. 155.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Т. II, стр. 135. М. 1947.

изъявил сожаление о заключенном перемирии, чрез что, говорил он, союзники лишены испытания мингрельских грезей, в коих армия его утопала»⁷¹.

Как и следовало ожидать, Карс стал играть существенную роль во время дипломатических переговоров о мире в Париже. По свидетельству современника и участника событий М. П. Щербинина, «падение прозой твердыни, почитавшейся нашими врагами несокрушимой, имело громадное влияние на условия Парижской конференции о мире»⁷².

Военная кампания 1853—1856 гг. чрезвычайно обострила классовые противоречия в Закавказье, как и во всей России. Несмотря на разорение и огромный ущерб, нанесённый трудящимся массам вражеской оккупацией, несмотря на невероятное напряжение их сил и средств в борьбе с оккупантами, местные князья и дворяне ничуть не щадили своих крепостных. Притеснения и эксплуатация крестьян ещё более усиливались, принимая лишь иные формы. Отважный руководитель восставших крестьян в Мингрелии Уту Микава в простых, смелых и правдивых словах перед представителями власти в 1857 г. разоблачал изуверство и бесчеловечность местных князей и дворян по отношению к крестьянам в тяжёлые годы оккупации. «С небольшим год тому назад, — говорил он, — как наша Родина была наводнена османскими войсками. Неприятель истребил у нас все, что попадало ему под руку... а наши господа (князья-помещики. — Е. Б.), вместо защиты, стали похищать у нас наших детей — мальчиков и девочек и продавать османам... Ушли османы, и господа наши принялись за нас пуще прежнего, пуще самих османов»⁷³.

После Восточной войны феодально-крепостническая система в Грузии вступила в новый этап своего существования. Крестьянское движение против князей и помещиков приняло острый характер в Мингрелии и в Имеретии (1857 г.), а затем в Абхазии, Гурии и других районах Грузии.

Турецкие агрессоры и их английские пособники в течение долгих веков вынашивали планы захвата и порабощения Грузии и грузинского народа. Турецкие захватчики вторгались в пределы Грузии, разоряли страну древней богатой культуры, истребляли мирное население. «Персидские и турецкие ассимиляторы, — указывает И. В. Сталин, — сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации...»⁷⁴. Свободолюбивые народы всегда оказывали врагу упорное сопротивление, нанося ему ответные удары.

В победоносных битвах при Ахалцыхе и Баш-Кадыклара, на Чолоке и Курьюк-Дара, на Чингильских высотах и на Колхидских низменностях и, наконец, у стен Карсской крепости за время войны 1853—1856 гг. была пролита кровь лучших сынов русского, грузинского, армянского, азербайджанского народов, представителей всех закавказских племён и народностей. Кровь, пролитая на поле брани против общих врагов, ещё более скрепила неразрывную дружбу наших народов.

⁷¹ ЦГВИА, д. 33—493, л. 305.

⁷² М. Щербинин. Кн. М. С. Воронцов и Н. Н. Муравьёв. «Русская старина» за 1874 год. Т. XI, стр. 113.

⁷³ К. Вороздин. Указ. соч., стр. 144.

⁷⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 348.